

HISTORY OF THE EAST

Universal History

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья

Исторические науки

УДК 327.56

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-918-933>

Развитие турецкого национализма в 30–40-е гг. XX века: от высокого кемализма к радикальной мысли¹

Дарья Владимировна Жигульская¹, Михаил Денисович Романенко²

¹ *Институт евразийских и межрегиональных исследований РГГУ, Москва, Россия, dvzhigulskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3163-4308>*

² *Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, mrromanenkod@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-8944-7777>*

Аннотация. Турецкая Республика, возникшая сто лет назад на развалинах Османской империи, утратила значительную часть ее территорий, но при этом унаследовала разнообразный этнический и религиозный состав населения своей предшественницы. На раннем этапе существования перед молодым государством стояла первостепенная задача сплочения нации, формирования национального самосознания и идентичности, основанных на принципе гражданского национализма, который лег в основу политической системы Турции. При этом на протяжении XX–XXI вв. турецкий национализм не раз видоизменялся, приобретал новые характерные для определенного исторического периода черты. В статье рассматривается эволюция турецкого национализма в период 1930–1940-х гг., а также анализируются конкретные практические меры, предпринятые в рамках национального строительства. Показано, что процесс расистов-туранистов 1944 г. символизировал кульминацию радикальной националистической мысли. При этом этнический национализм не был воспринят широкими массами, для которых в основе национальной идентичности лежали язык и религия, а был популярен среди небольшой группы интеллитуалов и распространялся посредством их публикаций в 1930–1940-е гг. Влияние этнического национализма постепенно снижалось и сошло на нет в конце 1970-х гг. Основным соперником офици-

¹ Статья подготовлена по научной теме «История и культура тюркских народов Евразии» (FMNN-2024-0004).

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

альной (кемалистской) идеологии стал консервативный национализм с ярко выраженным религиозным элементом.

Ключевые слова: турецкий национализм, Народно-республиканская партия (НРП), кемализм, Турецкая Республика, национальное строительство

Для цитирования: Жигульская Д. В., Романенко М. Д. Развитие турецкого национализма в 30–40-е гг. XX века: от высокого кемализма к радикальной мысли. *Ориенталистика*. 2024;7(4-5):918–933. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-918-933>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-918-933>

The development of Turkish nationalism in the 1930–1940s: From High Kemalism to radical thought²

Daria V. Zhigulskaya¹, Mikhail D. Romanenko²

¹ Institute of Eurasian and Interregional Studies of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, dvzhigulskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3163-4308>

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, mromanenkod@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-8944-7777>

Abstract. The Republic of Turkey, which emerged a century ago from the ruins of the Ottoman Empire, lost much of its territory and inherited the diverse ethnic and religious composition of its predecessor. At the early stage of its existence, the young state faced the paramount task of uniting the nation, forming national self-consciousness and identity based on the principle of civic nationalism, which formed the basis of Turkey's political system. Throughout the 20th and 21st centuries, Turkish nationalism has repeatedly changed and acquired new specific features of a certain historical period. The article deals with the evolution of Turkish nationalism in the 1930s–1940s. The authors analyze specific practical measures. Taken within the framework of nation-building it becomes clear that the Racism-Turanism political trials of 1944 symbolized the culmination of radical nationalist thought. Simultaneously, ethnic nationalism was not accepted by the masses, for whom language and religion were the basis of national identity. However, it became popular within a small group of intellectuals and disseminated through their publications in the 1930s–1940s. The influence of ethnic nationalism gradually declined and faded in the late 1970s. Conservative nationalism with a strong religious element became the main rival of the official (Kemalist) ideology.

² The article was prepared on the scientific topic “History and culture of the Turkic peoples of Eurasia” (FMNN-2024-0004).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Keywords: Turkish nationalism, Republican People's Party (CHP), Kemalism, The Republic of Turkey, nation building

For citation: Zhigulskaya D. V., Romanenko M. D. The development of Turkish nationalism in the 1930s–1940s: From High Kemalism to radical thought. *Orientalistica*. 2024;7(4-5):918–933. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-4-5-918-933> (in Russian).

Введение

На протяжении второй половины XIX — начала XX в. в Османской империи стремительно сменялись идеологии: османский *мультинационализм* был вытеснен *исламизмом*, а его место позже занял *турецкий национализм*. Примечательно, что, несмотря на то что как идея турецкий национализм зародился в конце XIX в., эта идеология нашла свое применение только во времена Ататюрка, при этом *кемалистский национализм* стал официальной идеологией Турции. Республиканский режим формировал нацию как гражданскую общность, однако тюркский этнический элемент (пусть и имплицитно) никогда не переставал играть важную роль в национальном дискурсе³. Это можно объяснить влиянием как внешних, так и внутренних факторов:

- в послевоенных условиях руководству Турецкой Республики удалось восстановить экономику, стабилизировать политическую ситуацию, укрепить идеологические основы государства в духе секуляризма [Soner, 2006, с. 43];
- удельный вес мусульман к 1927 г. составил 97,5% (по сравнению с 70,9% в 1914 г.) [İçduygu, Toktas, Ali Soner, 2008, с. 363], а доля людей, назвавших турецкий язык родным, насчитывала почти 87% из 13,6 млн населения Турецкой Республики [Taeuber, 1958, с. 103]. Этот факт говорит об образовавшемся устойчивом преобладании турецкого большинства над остальными этническими группами⁴;
- возникла необходимость в укреплении положения Народно-республиканской партии (НРП) по причине участвовавших этно-религиозных восстаний (шейха Саида (*Şeyh Said İsyanı* или *Genç Hâdisesi*) в 1925 г., араратского восстания (*Ağrı ayaklanmaları*) и инцидента в Менемене (*Menemen Olayı*) в 1930 г. и др.) [Esen, 2014, р. 608, 610], а также возрастающей популярности оппозиционных политических партий — Прогрессивной республиканской (*Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası*) (основана в 1924 г. и распущена в 1925 г.) и Либеральной республиканской (*Serbest Cumhuriyet Fırkası*) (1930 г.). Потребность в даль-

³ Подтверждением этому можно считать Закон о государственных служащих № 788 (Memurün Kanunu) 1926 г., в котором содержалось требование к государственным чиновникам быть турками. В 1928 г. аналогичное предписание применялось к докторам и медсестрам.

⁴ Вероятно, в ходе переписи численность этнических меньшинств была занижена: здесь стоит усматривать как влияние политической конъюнктуры, так и объективные трудности при проведении переписи в малонаселенных районах (см. также: [Кауа, 2022, с. 370–387]).

нейшем проведении коренных реформ была очевидна [Taşkıran, 1994, s. 265];

- вследствие негативного влияния Великой депрессии, успехов советской плановой экономической модели, а также несостоятельности либеральной капиталистической экономики в разрешении кризиса в Турции к 1929 г. существенно возросла роль государства в экономике (и — как результат — в общественной жизни) [Takım, Yılmaz, 2010, p. 549].

Утверждение этнического уклона в период «высокого кемализма»

Исходя из продолжавшегося процесса модернизации Турецкой Республики, в 1927 г. на втором конгрессе НРП были приняты первые четыре положения кемализма, заложившие основу дальнейшего общественного и политического развития, а именно: республиканизм (*cumhuriyetçilik*), национализм (*milliyetçilik*), народность (*halkçılık*) и лаицизм (*laiklik*). Национализм как одна из составляющих кемализма определяется как «выход за пределы расы, происхождения, религии, учения, регионализма и трайбализма на национальном уровне», обеспечивающий «равенство всех граждан перед законом, независимо от их происхождения, на каком языке они говорят и какие убеждения они разделяют»⁵. Основой же турецкой нации являются, согласно Ататюрку, «политическое, языковое, территориальное единство, единство рода и корней, общая история и общая мораль» [Atatürk, 2008, s. 45]. В этом отношении кемализм сочетает в себе признаки как территориального, так и этнического национализма [Poulton, 1997, p. 97]. Фактически национализм продолжал оставаться гражданским и территориальным, но приобрел сильный этнический уклон, при этом отвергая пантюркизм, панисламизм и ирредентизм [Жигульская, 2020, с. 107].

Позднее, в 1931 г., на третьем конгрессе НРП были также приняты принципы этатизма (*devletçilik*) и революционности (реформизма) (*inkılapçılık*), а в 1937 г. они были закреплены в Конституции. Таким образом, национализм официально стал одним из основополагающих принципов Турецкой Республики.

Предпринятые в 1930–1940 гг. политические, административные и идеологические преобразования были направлены на дальнейшее формирование и укрепление единой турецкой нации в соответствии с вышеизложенными принципами кемализма.

Среди административных мер, направленных на укрепление общественной гомогенизации в Турецкой Республике, внимание заслуживает возрождение института генеральных инспекций. Первые из них были созданы еще во времена Абдул-Хамида II как орган с чрезвычайными полномочиями для поддержания общественного порядка [Çavuşoğlu, 2023, s. 78]. Закон о первой генеральной инспекции (*Birinci Umumi Müfettişlik*) в Турецкой Республике был принят в 1927 г. после восстания шейха Саида. Генеральные инспекции подчинялись напрямую Министерству внутренних дел, «осуществляя надзор за

⁵ Программа Народно-республиканской партии Турецкой республики [Program of the People's Republican Party of the Turkish Republic]. — Электронный ресурс: URL: <https://content.chp.org.tr/1d48b01630ef43d9b2edf45d55842cae.pdf> (дата обращения: 22.04.2024).

поддержанием общественного порядка... в пределах своих областей» и стояли выше региональных и муниципальных властей [Çavuşoğlu, 2023, s. 86].

Первая генеральная инспекция охватывала местности, в которых происходило восстание, а именно провинции Элязыг, Урфа (Шанлыурфа), Хаккяри, Битлис, Мардин, Ван и Диярбакыр, в последней располагался центр инспекции. Вторая (или Фракийская) генеральная инспекция, созданная в 1934 г. после фракийского погрома (*Trakya Olayları*)⁶, охватывала провинции Чанаккале, Кырklarели, Текирдаг с центром в Эдирне. Третья инспекция, расположившаяся в Эрзуруме в 1935 г., охватывала также провинции Агры, Карс, Артвин, Ризе, Трабзон, Гюмюшхане, Эрзинджан. Четвертая генеральная инспекция с центром в Дерсиме (Тунджели) располагалась также на территориях Элязыга, Эрзинджана, Бингёля и была образована в 1936 г. Последняя, пятая генеральная инспекция с центром в Адане, была сформирована в 1947 г., охватывала Хатай, Мерсин, Газиантеп и Мараш (Кахраманмараш). Все они продолжали свою деятельность фактически до 1948 г., но были официально упразднены лишь в 1952 г.

Помимо обеспечения порядка генеральные инспекции также осуществляли контроль и содействие в реализации реформ, в первую очередь, среди сельского населения в условиях недостатка финансовых и административных средств (в особенности после 1929 г. с переходом к этатистской модели экономики) [Çavuşoğlu, 2023, s. 92], а также в случае возникновения чрезвычайных ситуаций (как, например, эпидемий) [Kardaş, 2020, s. 2378].

Еще одной важной мерой, направленной на консолидацию турецкой нации, можно считать Закон о переселении № 2510 (*İskân Kanunu*) 1934 г. согласно которому **культура** должна служить «основой для будущей иммиграции» [Soner, 2006, p. 69, 85, 90]. Закон преследовал две цели: во-первых, обеспечить равномерное сбалансированное распределение населения по провинциям в соответствии с предполагаемым увеличением его числа в будущем и решение вопроса безземельных крестьян и, во-вторых, определение предпочтительных категорий мигрантов и зон их поселений [Cevheri, 2018, s. 239].

Наиболее благоприятные условия для переселения в Турцию и получения в дальнейшем гражданства создавались для тюркоговорящих мусульман, а также для помаков и боснийцев. С более тяжелыми обстоятельствами при переселении сталкивались представители других народностей и религий [Ülker, 2008]. Такая детальность закона 1934 г. относительно особенностей иммиграции в Турецкую Республику разительно отличает его от более раннего Закона о переселении № 885 1926 г., в котором значимое место отводилось, в первую очередь, расселению кочевых племен, а также крестьян Турецкой Республики, нуждавшихся в переселении по состоянию здоровья или же в силу отсутствия средств к существованию. Вместе с тем закон 1926 г. также касался вопроса переселения турок и других мусульман — бывших подданных Османской империи [Soner, 2001, p. 8–9].

Другой отличительной особенностью закона является определение трех зон расселения. В зонах первого типа была необходима высокая плотность

⁶ Серия актов насилия в отношении евреев и вандализма во Фракии, произошедшая в конце июня — начале июля 1934 г.

турецкого населения — людей «турецкой культуры»; зоны второго типа были отведены для размещения населения, которое желает ассимилироваться в турецкую культуру (подходящие для переселения регионы); третий тип зон воспрещался для заселения и проживания по санитарным, военным, политическим и другим причинам. Дополнительно Министерству внутренних дел передавались полномочия по осуществлению переселения кочевых и оседлых племен в зоны второго типа [Ülker, 2008]. Контроль по соблюдению правил зонирования и переселения также происходил во многом посредством генеральных инспекций. В 1930-е гг. в западные районы Турции было переселено более 25 тыс. курдов из 5074 дворов (*households*) [Soner, 2001, p. 15].

Формирование турецкого национального мифа

Одним из ключевых шагов в национальном строительстве стало формулирование единого социокультурного пространства, воплощенного в исторической и лингвистической общности населения республики, а также определение места государства в мировом историческом процессе.

В 1930 г. был опубликован обширный труд «Очерки по турецкой истории» (*Türk Tarihinin Ana Hatları*), подготовленный членами комитета по изучению истории Турецких очагов (*Türk Ocakları*). Авторы «Очерков» выдвинули тезис о том, что турки Центральной Азии сыграли ключевую роль в создании египетской, шумерской и других цивилизаций.

Турецкие очаги были созданы еще в 1912 г. в Стамбуле в Эпоху второй Конституции 1908–1920 гг. (*İkinci Meşrutiyet Devri*)⁷ в качестве националистической просветительской неполитической организации и сохранились после образования Турецкой Республики. К 1923 г. число Турецких очагов насчитывало уже 37 отделений, а в 1928 г. — 260 отделений в различных регионах Турции, наиболее деятельными из которых были филиалы в Стамбуле, Измире, Адане и Анкаре [Akyüz, 1986, s. 203].

В последствии на основе комитета в 1931 г. было создано Общество по изучению турецкой истории (*Türk Tarihi Tetkik Kurumu*), одним из направлений деятельности которого было доказательство «турецкого исторического тезиса» (*Türk Tarih Tezi*) о тюркском происхождении всех древних цивилизаций [Шлык, 2020]. Тезис был представлен на Первом историческом конгрессе в Анкаре в 1932 г. и всецело поддержан властями: сам конгресс был созван Министерством образования Турецкой Республики, преподавание на основе заложенных в Тезис концепций велось в 1930-е гг. в школах и университетах. Вместе с тем он не был всецело воспринят и одобрен научным сообществом: так, несогласный с выдвинутой концепцией историк и идеолог-националист А. З. Валиди Тоган (А. З. Валидов) был вынужден уволиться из Стамбульского университета и на время покинуть Турцию [Жигульская, 2020, с. 108–109].

Еще в конце 1928 г. по итогам работы Языковой комиссии (*Dil Encümeni*) был создан латинизированный турецкий алфавит, внедрение которого на территории страны началось с 1 января 1929 г. Полный переход на латинскую гра-

⁷ Период в истории Османской империи, в ходе которого по итогам Младотурецкой революции 1908 г. в действие была возвращена Конституция Османской империи, созвана Генеральная ассамблея.

фику — как в государственных, так и частных официальных бумагах — предполагалось осуществить к июню 1930 г. [Yılmaz, 2013, p. 146]. Реформа была направлена не только на упрощение турецкой письменной системы и, как следствие, на повышение грамотности населения, но и на создание евроцентричного образа Турецкой Республики [Жигульская, 2022, с. 73]. В результате введения латинизированной письменности и ее преподавания детям в школах, а также — для широких слоев населения — на созданных в 1928 г. специальных четырехмесячных курсах, так называемых Национальных школах (*Millet Mektepleri*), и с 1936 г. в Народных домах (*Halk Evleri*) — доля грамотного населения страны возросла с 10 до 20% [Mango, 1999, p. 466–467].

В продолжение работы над реформой языка в 1932 г. было образовано Турецкое лингвистическое общество (*Türk Dil Kurumu*), целью которого было конструирование нового «неиспорченного» турецкого языка (*öz Türkçe*) [Mango, 1999, p. 73], подходящего для нового республиканского общества. Достичь этого предполагалось путем переименования или переопределения старых (арабских, персидских и др.) понятий на основе турецких диалектов или древних текстов на других тюркских языках. В 1935 г. были выпущены карманный османско-турецкий словарь (*Osmanlıcadan Türkçeye Cep Klavuzu*) и карманный турецко-османский словарь (*Türkceden Osmanlıcaya Cep Klavuzu*) [Çolak, 2004, s. 83]. Кульминацией языковой политики Турецкой Республики в 1930-х гг. стало появление «солнечной теории языков» (*Güneş Dil Teorisi*), согласно которой древние тюрки Центральной Азии привнесли в развивающиеся языки древнейших цивилизаций и народов (включая латынь, греческий, шумерский, романские и германские, а также языки Северной, Центральной и Южной Америки) важнейшие понятия, которые необходимы для абстрактного мышления. Эта теория неразрывно связана с Турецким историческим тезисом. Солнечная теория языков была представлена на третьем лингвистическом конгрессе в 1936 г. и уже тогда подверглась критике, в особенности иностранными лингвистами, а после смерти Ататюрка утратила свою значимость и была признана ненаучной [Aytürk, 2004, s. 16–17].

Другим важным шагом по созданию единого лингвоисторического пространства является Закон о фамилиях № 2525 (*Soyadı Kanunu*) 1934 г., согласно которому все граждане Турецкой Республики, вне зависимости от этнической принадлежности, были обязаны носить фамилии исключительно турецкого происхождения (некоторые евреи меняли в том числе и имена [Soner, 2006, p. 62]). Также примечательна кампания «Гражданин, говори по-турецки!» (*Vatandaş, Türkçe Konuş!*), которая на низовом уровне этноконфессиональных общин (в первую очередь — еврейской, далее к ней присоединились и другие группы) популяризировали переход на турецкий язык в ежедневном общении [Шлыков, 2015, с. 189–190]. Впоследствии эта программа была всецело поддержана властями Турецкой Республики.

Справедливо утверждать, что 1930-е гг. ознаменовались упрочением авторитарного, этатистского и националистического режима в Турции. Ряд внутренних и внешних факторов обусловили смещение вправо в политической сфере. Так, авторитаризм был вызван растущей внутренней оппозицией секуляризации и национальному строительству. Обрушение демократических

режимов на европейском континенте также оказало свое влияние на Турцию. Анкара выбрала волюнтаристское, территориальное и политическое объяснение национализму.

Преимственность курса в посткемалистский период

После смерти Ататюрка в 1938 г. пост президента Турции занял Исмет Инёню. Многие аспекты «высокого кемализма» пережили своего создателя. Курс на формирование единой турецкой нации на принципах кемализма был продолжен. Вместе с тем была предпринята попытка частично восстановить историческую, ментальную связь между Турецкой Республикой и Османской империей. В раннереспубликанский период целью стало создание новой турецкой светской идентичности и включение ее в западную цивилизацию, при этом османское прошлое как бы оставалось в стороне [Жигульская, 2021, с. 121]. Инёню предпринял попытку обратиться к османскому историческому наследию и национализировать его: значимые достижения и наследие прошлой эпохи постепенно превращались из «османских» в «турецкие» [Шлыков, 2020].

Период Османской империи перестал восприниматься исключительно регрессивно, а через некоторые его эпизоды выстраивалась историческая преемственность между двумя государствами. Например, эпоха *Танзимата* рассматривалась в качестве одной из поворотных точек в процессе модернизации и вестернизации страны. В Турции в целом повышался интерес к османскому прошлому и его наследию. Так, Третий исторический конгресс 1943 г. дистанцировался от Турецкого исторического тезиса, а часть его сессий включала доклады, посвященные истории Османской империи, что отличало его от двух предыдущих [Yıldırım, 2014, p. 417–418, 425].

Во время Второй мировой войны, в 1942 г., был введен налог на имущество (*varlık vergisi*) — наиболее резонансная мера, преследовавшая три цели: обеспечение дополнительного финансирования на нужды обороны в случае вступления Турции во Вторую мировую войну, сдерживание инфляции и восстановление финансового баланса [Yalçın, 2012, s. 315]. Формально плательщики этого налога делились на четыре группы на основании уровня собственного дохода и располагаемых активов, но на практике величина налогового сбора зависела от этнического происхождения и религиозной принадлежности, а именно: для мусульман она составляла 12,5%, для немусульман — 50%, недавно обращенные в ислам платили 25%, иностранные граждане — 12,5%, крестьяне — 5% [Örtek, 2014, s. 19].

Путем введения налога правительству Турецкой Республики не удалось сдержать инфляцию, но произошли значительные изменения в этнической и религиозной структуре промышленного и торгового сектора государства. Недвижимое имущество, промышленный капитал перешел в руки турецкой мусульманской буржуазии. Действие налога продолжалось всего 1,5 года: с 11 ноября 1942 г. по 15 марта 1944 г. Отчасти на это повлияло постепенное сближение страны с Союзниками по мере приближения окончания Второй мировой войны, дипломатическое давление со стороны США и Великобритании, настаивавших на разрыве торговых и дипломатических отношений с Третьим Рейхом, что в совокупности не позволяло осуществлять

сбор явно шовинистского налога в дальнейшем [Nakki, 2005]. Налог на имущество оказал существенное воздействие на дальнейшее политическое развитие Турции, в частности он поспособствовал росту популярности оппозиционной Демократической партии, одержавшей победу на выборах в 1950 г. [Kızılkaya, 2016, s. 90].

Складывание турецкого крайнего национализма

Важной вехой в развитии турецкого национализма в 1930–1940-е гг. явилось формирование его радикального течения.

Появление такого ответвления во многом связано с противоречием, заложенным в основу политической системы Турецкой Республики того периода: формально, гражданином государства считался любой его житель по праву рождения вне зависимости от этнического или же религиозного происхождения, но в то же самое время государственная политика становилась все более направленной на этническую и этнокультурную составляющую [Aytürk, 2011, p. 312].

Радикальные турецкие националисты представляли собой малочисленную группу интеллектуалов, наиболее известны из них — Н. Атсыз, Р. Нур, Н. Санчар и Р. О. Тюрккан [Uzer, 2016, p. 125].

Нихаль Атсыз (1905–1975) — наиболее заметный идеолог пантюркизма и расизма в современной Турции. Ни до, ни после него никто не изложил яснее Н. Атсыза основные принципы этнического национализма. Пантюркизм и отрицание исламских ценностей отличали его от большинства этнических националистов. Идеология Атсыза базировалась на двух ключевых компонентах: расизм он считал основным принципом внутренней политики Турции, а пантюркизм — внешней.

Рыза Нур (1878–1942) оказал существенное влияние на Н. Атсыза. В 1924–1926 гг. он написал четырнадцать томов «Истории тюрков» (*Türk Tarihi*). В пределы Великого Турана он включал Китай, Туркестан, Азербайджан и Финляндию [Alpka, 2008, s. 376–377]. Р. Нур развивал мысль о том, что Турция — не новое государство, но ведет свое начало со времен Сельджукидов. Династии и названия государств сменялись, но природа государства оставалась неизменной. В своем журнале “Tanrıdağ”, вероятно, он первый произнес фразу «Господь, защити Турок» (“*Sen Türkü koru ey ulu Tanrı*”) [Uzer, 2016, p. 130].

Брат Н. Атсыза Неждет Санчар (1910–1975) был ближайшим сподвижником Атсыза. В их работах много общего. Для Санчара туранизм и тюркский расизм были принципами турецкого идеала, однако его расизм не был враждебным по отношению к другим нациям. Санчар критиковал политику Инёню, утверждая, что он виноват в делении нации по причине своей борьбы с Демократической партией. Санчар также критиковал налог на имущество, считая его показателем отсутствия демократических свобод в стране [Sançar, 1973, s. 179–180, 193–196, 201, 206].

Реха Огуз Тюрккан (1920–2010) призывал к тюркификации религии, которую называл турецко-исламской. В своей книге «Введение в тюркизм» (*Türkçülüğe Giriş*) Тюрккан отрицал идею ассимиляции нетюркских групп и выступал за их выдворение из страны [Uzer, 2016, p. 144]. Важнейшее отли-

чие между Тюркканом и Атсызом заключается в их подходах к пантюркизму: Атсыз призывал к единению всех тюркских народов под единым знаменем. Тюрккан указывал на существующие различия между тюркскими народами, выступал за независимость каждого из них и тесное сотрудничество в обороне и экономике среди тюркских государств [Uzer, 2016, p. 145].

Радикальные националисты критиковали политику НРП, находя ее не в полной мере отвечающей интересам турок, и в целом стояли на антикоммунистических началах [Poulton, 1997, p. 134]. Пантюркизм же рассматривался ими как необходимая составляющая турецкой внешнеполитической доктрины. Они верили в превосходство тюркской расы, важнейшей опасностью для которой являлось смешение с другими расами [Landau, 1995, p. 94]. Примечательно, что даже *Турецкий исторический тезис* Н. Атсыз считал контрпродуктивным по той причине, что происхождение других цивилизаций от турков «лишает тебя самой гордости быть турком» [Шлыков, 2020].

Представители радикального турецкого национализма вели активную публицистическую деятельность. В частности, Н. Атсыз был создателем и автором первого пантюркистского ежемесячного журнала “Atsız Mecmua”, издаваемого в 1931–1932 гг., “Orhun” в 1933–1934 и 1943–1944 гг., “Orkun” в 1950–1952 гг., “Ötüken” в 1964–1975 гг. Все его издания украшала надпись «Все турки — единая армия» [Landau, 1995, p. 129, 165]. Р. О. Тюрккан выпускал такие журналы, как “Ergenekon” в 1938–1939 гг., “Bozkurt” в 1939–1942 гг., “Gök-Böğü” в 1942–1943 гг. Несмотря на то, что журналы не были популярны среди широких слоев населения, за ними, как правило, следили многие интеллектуалы, в особенности приверженцы правых взглядов [Özdoğan, 2001, s. 222]. Помимо собственных периодических изданий, радикальные националисты также публиковались и в других журналах исторического и националистического толка, вели активную литературную деятельность. Рост популярности радикальной мысли и числа ее сторонников обеспечивался в том числе тем, что многие радикальные националисты были педагогами и способствовали формированию национального самосознания в студенческой среде — среди своих учеников и последователей.

Процесс расистов-туранистов

Самым резонансным событием в истории Турецкой Республики 1930–1940-х гг., связанным с радикальными националистами, стал процесс расистов-туранистов (*Irkcılık-Turancılık davası*).

В период, когда Вторая мировая война подходила к концу, некоторые интеллектуалы-националисты, а также журналисты и служащие, распространяющие пантюркистские идеи, были арестованы по обвинению в создании тайной организации, связанной с нацистской Германией, с целью подрыва республиканского режима и ведения агрессивной войны против соседей Турции.

Дело расистов-туранистов было спровоцировано открытым письмом Н. Атсыза в адрес премьер-министра Шюкрю Сарачоглу, которое он опубликовал в своем журнале “Orhun” 1 марта 1944 г. Оно начиналось так: «Господин премьер-министр, я пишу Вам это открытое письмо, потому что Вы — тюркист и премьер-министр». Атсыз напомнил Сарачоглу, что 5 августа 1942 г. с пар-

ламентской трибуны он произнес: «Мы турки, тюркисты, и всегда останемся тюркистами. Для нас тюркизм заключается в крови, сознании и культуре». Атсыз восхищался словами политика, но был разочарован тем, что они не получили должного воплощения в реальной жизни, где соперничающие идеологии набирали силу» [Darendelioglu, 1976, s. 15–16].

Спустя месяц, 1 апреля 1944 г., Атсыз опубликовал «Второе открытое письмо в адрес премьер-министра Сарачоглу Шюкрю». В нем он утверждал, что все коммунисты предатели. Коммунисты, на его взгляд, осознавали, что расизм лежит в основе национализма, и этот факт служил причиной их нападок на расизм [Darendelioglu, 1976, s. 17, 20–22, 24–25].

В этом же письме Атсыз назвал и перечислил все имена «коммунистов» в системе образования. Его главной целью был министр образования Хасан Али Юджель. В список попали также Сабахаттин Али, Пертев Наили Боратав и др. Атсыз настаивал на увольнении всех коммунистов из системы образования и исключении их раз и навсегда из всех бюрократических кругов. Он обещал поддержку всех националистических сил в этом вопросе [Darendelioglu, 1976, s. 32–34].

В результате этих публикаций Сабахаттин Али при поддержке Хасана Али Юджеля подал иск в суд против Атсыза, обвиняя его в клевете. Адвокат Сабахаттина Али также был адвокатом пропартийной (НПП) газеты “Ulus” [Türkeş, 1968, s. 45].

Первое заседание суда состоялось 26 апреля 1944 г. Второе заседание прошло 3 мая 1944 г. Сотни студентов встретили Атсыза на железнодорожном вокзале Анкары. Книги Назыма Хикмета и Сабахаттина Али сжигали прямо перед вокзалом. Зал суда, коридоры и даже улицы были заполнены сторонниками Атсыза. Позже демонстранты направились на площадь Улус, там произошло столкновение с полицией [Türkeş, 1968, s. 46].

По итогам протестов было арестовано 47 человек, но на скамье подсудимых процесса, начавшегося 7 сентября 1944 г., оказались только 23 человека. Десять из них были осуждены, включая самого Н. Атсыза, а также Н. Санчара, Р. О. Тюрккана, А. З. Валиди Тогана и будущего лидера Партии националистического движения (ПНД) (*Milliyetçi Hareket Partisi, MHP*) — А. Тюркеша. В 1947 г. все осужденные были амнистированы.

Во время процесса подсудимые содержались в плохих условиях, а некоторые из арестованных были подвергнуты пыткам [Yücel, Bölükbaşı, 2019, s. 27]. Вменяемые им обвинения в попытке свержения Правительства были необоснованными, и фактически процесс над арестованными велся исключительно из-за их крайне правых взглядов, противоречащих курсу НПП (в особенности на фоне изменений внешнеполитических обстоятельств 1944 г.). В последующем дело расистов-туранистов отчасти способствовало формированию образа А. Тюркеша как «человека дела», а в 1950 г. процесс использовался в качестве инструмента оппозиционной пропаганды [İrek, 2018, s. 68].

События 1944 г. ознаменовали разрыв между кемалистами и большинством националистов [Uzer, 2016, p. 161]. Вместе с тем как кемализм, так и радикальный турецкий национализм в 1930–1940-е гг. фактически были направлены на конструирование общенационального пространства и недопущение раз-

вития любой другой идентичности, не вписывающейся в рамки единой нации. Кемалистский национализм, оставаясь юридически гражданским, фактически становился все более этническим, в то время как радикальный национализм носил откровенно расистский характер [Özdoğan, 2001, s. 296]. Несмотря на то, что в 1930–1940-е гг. радикальный национализм не обрел политического воплощения, он оказал большое влияние на развитие турецкого национализма в целом, а также в измененной форме вошел в идеологию ПНД в 1960-е гг. [Yılmaz, 2022, s. 792]. 3 мая по сей день является неофициальным праздником — Днем тюркизма (*Türkçülük Günü*) и тюркской солидарности.

Заключение

Справедливо утверждать, что политические процессы в Турецкой Республике в 1930–1940-х гг. во многом определили облик государства на последующие десятилетия. С окончанием экономического восстановления после войн и кризисов 1910-х — начала 1920-х гг., первоначальных шагов к построению единой нации, произошло дальнейшее оформление доминирующего нарратива Турецкой Республики: национализм официально стал одним из основополагающих принципов, при этом сохраняет свою значимость и сегодня. Предпринятые меры в области национального строительства на основе турецкой идентичности, государственная языковая и историческая политика создали фундамент для будущего развития турецкой нации. В целом, рассматриваемый период стал ключевым в эволюции национализма кемалистского толка, а годы правления Ататюрка (1923–1938) принято называть эпохой высокого кемализма.

В то же время введение дискриминирующих мер по отношению к этническим и конфессиональным меньшинствам, внутренние противоречия, заложенные в разнонаправленности принципов и подходов к национальному строительству в 1930–1940-е гг., в дальнейшем станут одной из причин как потери позиций НРП в качестве главной и всеобъемлющей политической силы страны, так и активизации развития турецкого национализма вне лона кемалистской доктрины — его радикального, а также консервативного ответвления.

Также важно отметить, что этнический национализм не был воспринят широкими массами, для которых в основе национальной идентичности лежали язык и религия. Он был популярен среди небольшой группы интеллектуалов и распространялся посредством их публикаций в 1930–1940-е гг. Его влияние постепенно снижалось и сошло на нет в конце 1970-х гг., после смерти Н. Атсыза и Н. Санчара.

Ergo, в то время как кемализм подчеркивал культурную и историческую связь тюркских народов во всем мире, он никогда открыто не пропагандировал этнический национализм. Другими словами, связи между кемалистским и этническим национализмом существовали, но два этих понятия не тождественны. По причине своей непопулярности в Турции среди широких масс со временем расизм не стал идеологией ПНД, вместо него партия выбрала консервативный национализм, или турецко-исламский синтез. Впоследствии основная борьба велась между официальным (кемалистским) и консервативным национализмом, этнический национализм занимал умы лишь небольшого числа сторонников ПНД.

Список источников и литературы / References

1. Жигульская Д. В. Развитие идеи национальной идентичности в Турции в 1920–1930-е гг. *Клио*. 2020, № 6. С. 106–110 [Zhigul'skaya D. V. The development of the idea of national identity in Turkey in the 1920–1930s. *Clio*. 2020. No. 6, pp. 106–110 (in Russian)].
2. Жигульская Д. В. Неоосманская ностальгия в современной Турции. *Восток (Oriens). Afro-Азиатские общества: история и современность*. 2021. № 4. С. 118–127 [Zhigul'skaya D. V. Neo-osman nostalgia in modern Turkey. *Vostok (Oriens). Afro-Asian societies: history and modernity*. 2021. No. 4, pp. 118–127 (in Russian)].
3. Жигульская Д. В. Языковые реформы в раннереспубликанской Турции как часть процесса национального строительства. *Modern oriental studies*. 2022. Т. 4. № 3. С. 70–77 [Zhigul'skaya D. V. Language reforms in the Republican Turkish area as part of the process of national construction. *Modern oriental studies*. 2022. Vol. 4. No. 3, pp. 70–77 (in Russian)].
4. *Программа Народно-республиканской партии Турецкой республики* [Program of the People's Republican Party of the Turkish Republic]. — Электронный ресурс: URL: <https://content.chp.org.tr/1d48b01630ef43d-9b2edf45d55842cae.pdf> (дата обращения: 22.04.2024).
5. Шлыков П. В. Историческая политика в современной Турции. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11. Вып. 12(98). Ч. I [Shlykov V. I. Historical policy in modern Turkey. *Electronic scientific and educational magazine "History"*. 2020. Vol. 11. Issue 12(98). Pt. I]. — Электронный ресурс. Доступ для зарегистрированных пользователей: URL: <https://history.jes.su/s207987840010436-8-1/> (дата обращения: 30.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840010436-8.
6. Шлыков В. И. Языковая политика кемалистов в раннереспубликанский период. *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2015. № 9. С. 185–192 [Shlykov V. I. Language policy of the Kemalists in the early media. *Islam in the Middle and Middle East*. 2015. No. 9, pp. 185–192 (in Russian)].
7. Akyüz K. Türk ocakları. *Belleten*. 1986. Т. 50. No. 196, ss. 201–228 [Akyüz K. Turkish hearths. *Bulletin*. 1986. Vol. 50. No. 196. pp. 201–228 (in Turkish)].
8. Alp kaya F. Rıza Nur. *Milliyetçilik: Modern Türkiye'de Siyasi Düşünce Tarihi Cilt*. 2008. Т. 4, ss. 374–377 [Alp kaya F. Rıza Nur. *Nationalism: History of Political Thought in Modern Turkey*, Vol. 4, pp. 374–377 (in Turkish)].
9. Atatürk M. K. *Medeni bilgiler: Türk milletinin el kitabı*. Hiperlink, 2008 [Atatürk M. K. *Civic knowledge: The handbook of the Turkish nation*. Hiperlink, 2008 (in Turkish)].
10. Aytürk İ. The Racist Critics of Atatürk and Kemalism, from the 1930s to the 1960s. *Journal of Contemporary History*. 2011. Vol. 46. No. 2, pp. 308–335.
11. Aytürk İ. Turkish linguists against the West: The origins of linguistic nationalism in Atatürk's Turkey. *Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 40. No. 6, pp. 1–25.
12. Çavuşoğlu T. Bir Mülkleşme Stratejisi Olarak Umumi Müfettişlik. *Boyabat İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi E-Dergisi*. 2023. Т. 3. No. 1, ss. 77–98 [Çavuşoğlu T. A nationalization strategy as a general inspection. *Boyabat*

- Journal of Economics and Administrative Sciences*. Vol. 3. No. 1. pp. 77–98 (in Turkish)].
13. Cevheri S. G. A. Türk milleti ve Türk kimliği: Ulus Devlet İnşa Sürecinde 1934. Tarihli İskân Kanunu. *Türk Tarih Kongresi: Atatürk ve Türkiye Cumhuriyeti Tarihi*. 2018. XVII, ss. 231–245 [Cevheri S. G. A. The Turkish nation and Turkish identity: The 1934 Settlement Law in the nation-state building process. *Turkish History Congress: Atatürk and the History of the Turkish Republic*. 2018. Vol. 27. pp. 231–245 (in Turkish)].
 14. Çolak Y. Language policy and official ideology in early republican Turkey. *Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 40. No. 6, pp. 67–91.
 15. Darendeliöğlü İ. E. *Türk milliyetçiliği tarihinde: büyük kavga*. İstanbul: Oymak Yayınları, 1976 [Darendeliöğlü İ. E. *The great struggle in the history of Turkish nationalism*. İstanbul: Oymak Yayınları. 1976 (in Turkish)].
 16. Esen B. Nation-building, party-strength, and regime consolidation: Kemalism in comparative perspective. *Turkish Studies*. 2014. Vol. 15. No. 4, pp. 600–620.
 17. Hakki M. M. Surviving the Pressure of the Superpowers: An analysis of Turkish Neutrality during the Second World War. *Journal of Military and Strategic Studies*. 2005. Vol. 8. No. 2. — Электронный ресурс: URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/jmss/jmss_2005/v8n2/jmss_v8n2d.pdf.
 18. İcduygu A., Toktas Ş., Ali Soner B. The politics of population in a nation-building process: Emigration of non-Muslims from Turkey. *Ethnic and Racial Studies*. 2008. Vol. 31. No. 2, pp. 358–389.
 19. İpek G. Basında İrkçilik-Turancılık Davası. *Akademik Bakış Uluslararası Hakemli Sosyal Bilimler Dergisi*. 2018. No. 67, ss. 51–72 [İpek G. *The case of racism-Turanism in the press*. Akademik Bakış International Peer-Reviewed Journal of Social Sciences. 2018. Vol. 67, pp. 51–72 (in Turkish)].
 20. Kardaş A. Birinci Umûmî Müfettişlik Bölgesinde Salgın Hastalıklarla Mücadele (1927–1952). *Akademik Tarih ve Düşünce Dergisi*. 2020. T. 7. No. 4, ss. 2355–2385 [Kardaş, A. The fight against epidemic diseases in the First General Inspection Region (1927–1952). *Academic Journal of History and Thought*. 2020. Vol. 7. No. 4, pp. 2355–2385 (in Turkish)].
 21. Kızılkaya A. Ekonomik ve Siyasal Boyutlarıyla Varlık Vergisi. *Hak İş Uluslararası Emek ve Toplum Dergisi*. 2016. T. 5. No. 12, ss. 85–95 [Kızılkaya A. The Wealth Tax: Economic and Political Dimensions. *Hak İş International Journal of Labor and Society*. 2016. Vol. 5. No. 12, pp 85–95 (in Turkish)].
 22. Landau J. M. *Pan-Turkism: From irredentism to cooperation*. Bloomington: Indiana University Press, 1995.
 23. Mango A. *Ataturk*. London: John Murray, 1999.
 24. Örtlek M. Türkiye’de etnik azınlıklara yönelik yaklaşımlar. *Hukuk ve İktisat Araştırmaları Dergisi*. 2014. T. 6. No. 2, ss. 15–30 [Örtlek M. Approaches towards ethnic minorities in Turkey. *Journal of Law and Economics Research*. 2014. Vol. 6. No. 2, pp. 15–30 (in Turkish)].
 25. Özdoğan G. G. *Turan’dan Bozkurt’a Tek Parti Dönemi’nde Türkçülük 1931–1946*. Transl. by İsmail Kaplan. İstanbul: İletişim, 2001 [Özdoğan G. G. *From Turan to Bozkurt: Turkism in the Single-Party Period 1931–1946*. Translated by İsmail Kaplan. 2001. İstanbul: İletişim (in Turkish)].

26. Poulton H. *Top hat, grey wolf, and crescent: Turkish nationalism and the Turkish Republic*. New York: New York University Press, 1997.
27. Sançar N. *İsmet İnönü ile hesaplaşma*. Ankara: Afşın Yayınları, 1973 [Sançar N. *Settling accounts with İsmet İnönü*. Ankara: Afşın Yayınları. 1973 (in Turkish)].
28. Soner C. Population Resettlement and Immigration Policies of Interwar Turkey: A study of Turkish nationalism. *Turkish Studies Association Bulletin*. 2001. Vol. 25. No. 2/1, pp. 1–24.
29. Soner C. *Islam, secularism and nationalism in modern Turkey: Who is a Turk?* London — New York: Routledge, 2006.
30. Taeuber I. B. Population and modernization in Turkey. *Population index*. 1958. Vol. 24. No. 2, pp. 101–122.
31. Takim A., Yilmaz E. Economic policy during Ataturk's era in Turkey (1923–1938). *African Journal of Business Management*. 2010. Vol. 4. No. 4, pp. 549–554.
32. Taşkıran C. Atatürk Döneminde Demokrasi Denemeleri 1925–1930. *Atatürk Yolu Dergisi*. 1994. T. 4. No. 14, ss. 255–265 [Taşkıran C. Democratic experiments in the Atatürk era 1925–1930. *Atatürk Yolu Dergisi*. 1994. Vol. 4. No. 14, pp. 255–265 (in Turkish)].
33. Türkan C. State of mind in minority policies of the single-party period. *Tarih ve Günce*. 2019. T. 2. No. 4, ss. 3–38.
34. Türkeş A. *1944 Milliyetçilik Olayı*. İstanbul: Yaylacık Matbaası, 1968 [Türkeş A. The 1944 Nationalism Incident. İstanbul: Yaylacık Matbaası. 1968 (in Turkish)].
35. Ülker E. Assimilation, Security and Geographical nationalization in Interwar Turkey: The Settlement Law of 1934. *European Journal of Turkish Studies. Social Sciences on Contemporary Turkey*. 2008. No. 7. Demographic Engineering — part I. Электронный ресурс: URL: <http://www.ejts.org/document2123.html>.
36. Uzer U. *An Intellectual History of Turkish Nationalism: Between Turkish Ethnicity and Islamic Identity*. Salt Lake City: University of Utah press, cop., 2016.
37. Yalçın O. Varlık vergisi kanunu ve uygulaması. *Avrasya İncelemeleri Dergisi*. 2012. T. 1. No. 1, ss. 313–354 [Yalçın O. The Wealth Tax Law and its implementation. *Journal of Eurasian Studies*. 2012. Vol. 1. No. 1, pp. 313–354 (in Turkish)].
38. Yıldırım E. E. Official history transformation of the early Turkish Republic: changes and continuities reflected in the textbooks. *Journal of International Social Research*. 2014. Vol. 7. No. 31, pp. 415–426.
39. Yılmaz H. *Becoming Turkish: Nationalist Reforms and Cultural Negotiations in Early Republican Turkey 1923–1945*. Syracuse — New York: Syracuse University Press, 2013.
40. Yılmaz S. R. Nihal Atsız Türkçülüğü ve Milliyetçi Hareketin Yol Ayrımı. *Ekonomi Politika ve Finans Araştırmaları Dergisi*. 2022. T. 7. No. 3, ss. 784–797 [Yılmaz S. R. Nihal Atsız's Turkism and the divergence in the nationalist movement. *Journal of Economics, Politics, and Finance Research*. 2022. Vol. 7. No. 3, pp. 784–797 (in Turkish)].
41. Yücel G., Bölükbaşı Y. Z. Türk Milliyetçiliğinde Yol Ayrımı: 3 Mayıs 1944 Irkçılık-Turancılık Davası. *Milliyetçilik Araştırmaları Dergisi*. 2019. T. 1. No. 2, ss. 5–34 [Yücel G., Bölükbaşı Y. Z. The divergence in Turkish nationalism: The May 3, 1944 racism-Turanism case. *Journal of Nationalism Studies*. 2019. Vol. 1. No. 2, pp. 5–34 (in Turkish)].

Информация об авторах

Жигульская Дарья Владимировна — доктор исторических наук, профессор Института евразийских и межрегиональных исследований РГГУ, Москва, Россия; dvzhigulskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3163-4308>.

Романенко Михаил Денисович — аспирант Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия; mromanenkod@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-8944-7777>.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена рецензентами 10.10.2024; принята к публикации 15.10.2024; опубликована 20.12.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Daria V. Zhigulskaya — Dr. habil. (Hist.), Professor of the Institute of Eurasian and Interregional Studies of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; dvzhigulskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3163-4308>.

Mikhail D. Romanenko — postgraduate student, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mromanenkod@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-8944-7777>.

Authors' Contributions

These authors contributed equally to this work.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 15.10.2024; published 20.12.2024.

The author has read and approved the final manuscript.